

ЕЛЕНА СПАРТАКОВНА СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН (г. Москва)
senyavsky@mtu-net.ru**ЖЕНЩИНЫ ОСВОБОЖДЕННОЙ ЕВРОПЫ ГЛАЗАМИ
СОВЕТСКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ (1944–1945 ГОДЫ)**

В статье показано, какое место в восприятии других народов и культур, в складывании устойчивых этнопсихологических стереотипов занимал образ европейских женщин, формировавшийся в сознании советских военнослужащих на заключительном этапе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Европа, Германия, женщины, этнопсихологические стереотипы, традиционное поведение, национальный менталитет

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, освободив оккупированную немцами и их сателлитами советскую территорию и преследуя отступающего противника, Красная армия перешла государственную границу СССР. С этого момента начался ее победоносный путь по странам Европы – и тем, которые шесть лет томились под фашистской оккупацией, и тем, кто выступал в этой войне союзником III Рейха, и по территории самой гитлеровской Германии. В ходе этого продвижения на Запад и неизбежных разнообразных контактов с местным населением советские военнослужащие, никогда ранее не бывавшие за пределами собственной страны, получили немало новых, весьма противоречивых впечатлений о представителях других народов и культур, из которых в дальнейшем складывались этнопсихологические стереотипы восприятия ими европейцев. Среди этих впечатлений важнейшее место занимал образ европейских женщин. Упоминания, а то и подробные рассказы о них встречаются в письмах и дневниках, на страницах воспоминаний многих участников войны, где чаще всего чередуются лиричные и циничные оценки и интонации.

Первой европейской страной, в которую в августе 1944 года вступила Красная армия, была Румыния. В «Записках о войне» поэта-фронтовика Бориса Слуцкого мы находим весьма откровенные строки: «Внезапная, почти столкнутая в море, открывается Констанца. Она почти совпадает со средней мечтой о счастье и о “после войны”. Рестораны. Ванн. Кровати с чистым бельем. Лавки с рептильными продавцами. И – женщины, нарядные городские женщины – девушки Европы – первая дань, взятая нами с побежденных...» [18; 174]. Далее он описывает свои первые впечатления от «заграницы»: «Европейские парикмахерские, где мылят пальцами и не моют кисточки, отсутствие бани, умывание из таза, “где сначала грязь с рук остается, а потом лицо моют”, перины вместо одеял – из отворачивания, вызываемого бытом, делались немедленные обобщения... В Констанце мы впервые

встретились с борделями... Первые восторги наших перед фактом существования свободной любви быстро проходят. Сказывается не только страх перед заражением и дороговизна, но и презрение к самой возможности купить человека... Многие гордились былями типа: румынский муж жалуется в комендатуру, что наш офицер не уплатил его жене договоренные полторы тысячи лей. У всех было отчетливое сознание: “У нас это невозможно”... Наверное, наши солдаты будут вспоминать Румынию как страну сифилитиков...». Б. Слуцкий делает вывод, что именно в Румынии, этом европейском захолустье, «наш солдат более всего ощущал свою возвышенность над Европой» [18; 46–48].

Другой советский офицер, подполковник ВВС Федор Смольников 17 сентября 1944 года записал в своем дневнике впечатления о Бухаресте: «Гостиница Амбасадор, ресторан, нижний этаж. Я вижу, как гуляет праздная публика, ей нечего делать, она выжидает. На меня смотрят как на редкость. “Русский офицер!!!” Я очень скромно одет, больше, чем скромно. Пусть. Мы все равно будем в Будапеште. Это так же верно, как то, что я в Бухаресте. Первокласный ресторан. *Публика разодета, красивейшие румынки лезут глазами вызывающе.* Ночуем в первокласной гостинице. Бурлит столичная улица. Музыки нет, публика ждет. Столица, черт ее возьми! Не буду поддаваться рекламе...» (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Е. С.) [19; 228–229].

В Венгрии советская армия столкнулась не только с вооруженным сопротивлением, но и с коварными ударами в спину со стороны населения, когда «убивали по хуторам пьяных и отставших одиночек» и топили в силосных ямах. Однако «женщины, не столь развращенные, как румынки, уступали с постыдной легкостью... Немножко любви, немножко беспутства, а больше всего, конечно, помог страх» [18; 110, 107]. Приводя слова одного венгерского адвоката: «Очень хорошо, что русские так любят детей. Очень плохо, что они так любят женщин», Борис Слуцкий комментирует: «Он не учитывал,

что женщины-венгерки тоже любили русских, что наряду с темным страхом, раздвигавшим колени матрон и матерей семейств, были ласковость девушек и отчаянная нежность солдаток, отдававшихся убийцам своих мужей» [18; 177].

Григорий Чухрай в своих воспоминаниях описывал такой случай в Венгрии. Его часть расквартировалась в одном местечке. Хозяева дома, где расположился он сам с бойцами, во время застолья «под действием русской водки расслабились и признались, что прячут на чердаке свою дочку». Советские офицеры возмутились: «За кого вы нас принимаете? Мы не фашисты!» «Хозяева устыдились, и вскоре за столом появилась сухощавая девица, по имени Марийка, которая жадно принялась за еду. Потом, освоившись, она стала кокетничать и даже задавать нам вопросы... К концу ужина все были настроены доброжелательно и пили за “боротшаз” (дружбу). Марийка поняла этот тост уж слишком прямолинейно. Когда мы легли спать, она появилась в моей комнате в одной нижней рубашке. Я как советский офицер сразу сообразил: готовится провокация. “Они рассчитывают, что я соблазнюсь на прелести Марийки, и поднимут шум. Но я не поддамся на провокацию”, – подумал я. Да и прелести Марийки меня не прельщали – я указал ей на дверь.

На следующее утро хозяйка, ставя на стол еду, грохотала посудой. “Нервничает. Не удалась провокация!” – подумал я. Этой мыслью я поделился с нашим переводчиком венгром. Он расхохотался.

– Никакая это не провокация! Тебе выразили дружеское расположение, а ты им пренебрег. Теперь тебя в этом доме за человека не считают. Тебе надо переходить на другую квартиру!

– А зачем они прятали дочь на чердаке?

– Они боялись насилия. У нас принято, что девушка, прежде чем войти в брак, с одобрения родителей может испытать близость со многими мужчинами. У нас говорят: кошку в завязанном мешке не покупают...» [20; 258–259].

У молодых, физически здоровых мужчин была естественная тяга к женщинам. Но легкость европейских нравов кого-то из советских бойцов развращала, а кого-то, напротив, убеждала в том, что отношения не должны сводиться к простой физиологии. Сержант Александр Родин записал свои впечатления о посещении – из любопытства! – публичного дома в Будапеште, где его часть стояла какое-то время после окончания войны: «...После ухода возникло отвратительное, постыдное ощущение лжи и фальши, из головы не шла картина явного, откровенного притворства женщины... Интересно, что подобный неприятный осадок от посещения публичного дома остался не только у меня, юнца, воспитанного к тому же на принципах типа “не давать поцелуя без любви”, но и у большинства

наших солдат, с кем приходилось беседовать... Примерно в те же дни мне пришлось беседовать с одной красивенькой мадьяркой (она откуда-то знала русский язык). На ее вопрос, понравилось ли мне в Будапеште, я ответил, что понравилось, только вот смущают публичные дома. «Но – почему?» – спросила девушка. Потому что это противоестественно, дико, – объяснял я: – женщина берет деньги и следом за этим, тут же начинает “любить!” Девушка подумала какое-то время, потом согласно кивнула и сказала: “Ты прав: брать деньги *вперед* некрасиво”...» [16; 127].

Иные впечатления оставила о себе Польша. По свидетельству поэта Давида Самойлова, «в Польше держали нас в строгости. Из расположения улизнуть было сложно. А шалости сурово наказывались» [17; 67]. И приводит впечатление от этой страны, где единственным позитивным моментом выступала красота польских женщин. «Не могу сказать, что Польша сильно понравилась нам, – писал он. – Тогда в ней не встречалось мне ничего шляхетского и рыцарского. Напротив, все было мещанским, хуторянским – и понятия, и интересы. Да и на нас в восточной Польше смотрели настороженно и полувраждебно, стараясь содрать с освободителей что только возможно. Впрочем, *женщины были утешительно красивы и кокетливы, они пленяли нас обхождением, воркующей речью, где все вдруг становилось понятно, и сами пленялись порой грубоватой мужской силой или солдатским мундиром*. И бледные отошавшие их прежние поклонники, скрипя зубами, до времени уходили в тень...» [17; 70–71].

Но не все оценки польских женщин выглядели столь романтично. 22 октября 1944 года младший лейтенант Владимир Гельфанд записал в своем дневнике: «Вдали вырисовывался оставленный мною город с польским названием (Владов. – Е. С.), с красивыми полячками, гордыми до омерзения. <...> Мне рассказывали о польских женщинах: те заманивали наших бойцов и офицеров в свои объятия, и когда доходило до постели, отрезали половые члены бритвой, душили руками за горло, царапали глаза. Безумные, дикие, безобразные самки! С ними надо быть осторожней и не увлекаться их красотой. А полячки красивы, мерзавки» [13]. Впрочем, есть в его записях и иные настроения. 24 октября он фиксирует такую встречу: «Сегодня спутницами мне к одному из сел оказались красивые полячки-девушки. Они жаловались на отсутствие парней в Польше. Тоже называли меня “паном”, но были неприкосновенны. Я одну из них похлопал по плечу нежно, в ответ на ее замечание о мужчинах, и утешил мыслью об открытой для нее дороге в Россию – там-де много мужчин. Она поспешила отойти в сторону, а на мои слова ответила, что и здесь мужчины для нее найдутся. Попрощались по-

жатию руки. Так мы и не договорились, а славные девушки, хоть и полечки» [13]. Еще через месяц, 22 ноября, он записал свои впечатления о первом встретившемся ему крупном польском городе Минске-Мазовецком, и среди описания архитектурных красот и поразившего его количества велосипедов у всех категорий населения особое место уделяет горожанкам: «Шумная праздная толпа, женщины, как одна, в белых специальных шляпах, видимо, от ветра надеваемых, которые делают их похожими на сорок и удивляют своей новизной. Мужчины в треугольных шапках, в шляпах, – толстые, аккуратные, пустые. Сколько их! <...> Крашеные губки, подведенные брови, жеманство, чрезмерная деликатность. Как это не похоже на естественную жизнь человека. Кажется, что люди сами живут и движутся специально лишь ради того, чтобы на них посмотрели другие, и все исчезнут, когда из города уйдет последний зритель...» [13].

Не только польские горожанки, но и селянки оставляли о себе сильное, хотя и противоречивое впечатление. «Поражало жизнелюбие поляков, переживших ужасы войны и немецкой оккупации, – вспоминал Александр Родин. – Воскресный день в польском селе. Красивые, элегантные, в шелковых платьях и чулках женщины-польки, которые в будни – обычные крестьянки, сгребая навоз, босые, неутомимо работают по хозяйству. Пожилые женщины тоже выглядят свежо и молодо. Хотя есть и черные рамки вокруг глаз...» [16; 110]. Далее он цитирует свою дневниковую запись от 5 ноября 1944 года: «Воскресенье, жители все разодеты. Собираются друг к другу в гости. Мужчины в фетровых шляпах, галстуках, джемперах. Женщины в шелковых платьях, ярких, ношенных чулках. Розовощекие девушки – “паненки”. Красиво завитые белокурые прически... Солдаты в углу хаты тоже оживлены. Но кто чуткий, заметит, что это – болезненное оживление. Все повышенно громко смеются, чтобы показать, что это им нипочем, даже ничуть не задевает, и не завидно ничуть. А что мы, хуже их? Черт ее знает, какое это счастье – мирная жизнь! Ведь совсем не видел ее на гражданке!» [16; 122–123]. Его однополчанин сержант Николай Нестеров в тот же день записал в своем дневнике: «Сегодня выходной, поляки, красиво одетые, собираются в одной хате и сидят парочками. Даже как-то не по себе становится. Разве я не сумел бы посидеть так?» [16; 123].

Куда беспощаднее в своей оценке «европейских нравов», напоминающих «пир во время чумы», военнослужащая Галина Ярцева. 24 февраля 1945 года она писала с фронта подруге: «...если б была возможность, можно б было выслать чудесные посылки их трофейных вещей. Есть кое-что. Это бы нашим разутым и разде-

тым. Какие города я видела, каких мужчин и женщин. И глядя на них, тобой овладевает такое зло, такая ненависть! Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь. Они же смеются над русскими – “Швайн!” Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами...» [9].

В Австрии, куда советские войска ворвались весной 1945 года, они столкнулись с «повальной капитуляцией»: «Целые деревни оглаивались белыми тряпками. Пожилые женщины поднимали кверху руки при встрече с человеком в красноармейской форме» [18; 125]. Именно здесь, по словам Б. Слуцкого, солдаты «дорвались до белокрысых баб». При этом «австрийки не оказались чрезмерно неподатливыми. Подавляющее большинство крестьянских девушек выходило замуж “испорченными”. Солдаты-отпускники чувствовали себя, как у Христа за пазухой. В Вене наш гид, банковский чиновник, удивлялся настойчивости и нетерпеливости русских. Он полагал, что галантности достаточно, чтобы добиться у венки всего, чего хочется» [18; 127–128]. То есть дело было не только в страхе, но и в неких особенностях национального менталитета и традиционного поведения.

И вот наконец Германия. И женщины врага – матери, жены, дочери, сестры тех, кто с 1941 по 1944 год глумился над гражданским населением на оккупированной территории СССР. Какими же увидели их советские военнослужащие? Внешний вид немки, идущих в толпе беженцев, описан в дневнике Владимира Богомолова: «Женщины – старые и молодые – в шляпках, в платках тюрбаном и просто навесом, как у наших баб, в нарядных пальто с меховыми воротниками и в трепаной, непонятного покроя одежде. Многие женщины идут в темных очках, чтобы не щуриться от яркого майского солнца и тем предохрывать лицо от морщин...» [12]. Лев Копелев вспоминал о встрече в Алленштайне с эвакуированными берлинками: «На тротуаре две женщины. Замысловатые шляпки, у одной даже с вуалью. Добротные пальто, и сами гладкие, холеные» [14]. И приводил солдатские комментарии в их адрес: «курицы», «индюшки», «вот бы такую гладкую...»

Как же вели себя немки при встрече с советскими войсками? В донесении зам. начальника Главного Политического управления Красной армии Шикина в ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову от 30 апреля 1945 года об отношении гражданского населения Берлина к личному составу войск Красной армии говорилось: «Как только наши части занимают тот или иной район города, жители начинают постепенно выходить на улицы, почти все они имеют на рукавах белые повязки. При встрече с нашими военнослужащими многие женщины поднимают руки вверх, пла-

чут и трясутся от страха, но как только убеждаются в том, что бойцы и офицеры Красной армии совсем не те, как им рисовала их фашистская пропаганда, этот страх быстро проходит, все больше и больше населения выходит на улицы и предлагает свои услуги, всячески стараясь подчеркнуть свое лояльное отношение к Красной армии» [4].

Наибольшее впечатление на победителей произвела покорность и расчетливость немцев. В этой связи стоит привести рассказ минометчика Н. А. Орлова, потрясенного поведением немцев в 1945 году: «Никто в минбате не убивал гражданских немцев. Наш особист был “германофил”. Если бы такое случилось, то реакция карательных органов на подобный эксцесс была бы быстрой. По поводу насилия над немецкими женщинами. Мне кажется, что некоторые, рассказывая о таком явлении, немного “сгущают краски”. У меня на памяти пример другого рода. Зашли в какой-то немецкий город, разместились в домах. Появляется “фрау”, лет 45, и спрашивает “гера коменданта”. Привели ее к Марченко. Она заявляет, что является ответственной по кварталу и собрала 20 немецких женщин для сексуального (!!!) обслуживания русских солдат. Марченко немецкий язык понимал, а стоявшему рядом со мной замполиту Долгобородову я перевел смысл сказанного немкой. Реакция наших офицеров была гневной и матерной. Немку прогнали, вместе с ее готовым к обслуживанию “отрядом”. Вообще немецкая покорность нас ошеломила. Ждали от немцев партизанской войны, диверсий. Но для этой нации порядок – “Орднунг” – превыше всего. Если ты победитель – то они “на задних лапках”, причем осознанно и не по принуждению. Вот такая психология...» [7].

Аналогичный случай приводит в своих военных записках Давид Самойлов: «В Арендсфельде, где мы только что расположились, явилась небольшая толпа женщин с детьми. Ими предводительствовала огромная усатая немка лет пятидесяти – фрау Фридрих. Она заявила, что является представительницей мирного населения и просит зарегистрировать оставшихся жителей. Мы ответили, что это можно будет сделать, как только появится комендатура.

– Это невозможно, – сказала фрау Фридрих. – Здесь женщины и дети. Их надо зарегистрировать.

Мирное население воплем и слезами подтердило ее слова.

Не зная, как поступить, я предложил им занять подвал дома, где мы разместились. И они успокоенные спустились в подвал и стали там размещаться в ожидании властей.

– Герр комиссар, – благодушно сказала мне фрау Фридрих (я носил кожаную куртку). – Мы понимаем, что у солдат есть маленькие по-

требности. Они готовы, – продолжала фрау Фридрих, – выделить им нескольких женщин помоложе для...

Я не стал продолжать разговор с фрау Фридрих» [17].

После общения с жительницами Берлина 2 мая 1945 года Владимир Богомолов записал в дневнике: «Входим в один из уцелевших домов. Все тихо, мертво. Стучим, просим открыть. Слышно, что в коридоре шепчутся, глухо и взволнованно переговариваются. Наконец дверь открывается. Сбившиеся в тесную группу женщины без возраста испуганно, низко и угодливо кланяются. Немецкие женщины нас боятся, им говорили, что советские солдаты, особенно азиаты, будут их насиловать и убивать... Страх и ненависть на их лицах. Но иногда кажется, что им нравятся быть побежденными, – настолько предупредительно их поведение, так умильны их улыбки и сладки слова. В эти дни в ходу рассказы о том, как наш солдат зашел в немецкую квартиру, попросил напиток, а немка, едва его завидела, легла на диван и сняла трико» [12].

«Все немки развратны. Они ничего не имеют против того, чтобы с ними спали» [10] – такое мнение бытовало в советских войсках и подкреплялось не только многими наглядными примерами, но и их неприятными последствиями, которые вскоре обнаружили военные медики.

Директива Военного совета 1-го Белорусского фронта № 00343/Ш от 15 апреля 1945 года гласила: «За время пребывания войск на территории противника резко возросли случаи венерических заболеваний среди военнослужащих. Изучение причин такого положения показывает, что среди немцев широко распространены венерические заболевания. *Немцы перед отступлением, а также сейчас, на занятой нами территории, стали на путь искусственного заражения сифилисом и триппером немецких женщин с тем, чтобы создать крупные очаги для распространения венерических заболеваний среди военнослужащих Красной армии*» [1].

Военный совет 47-й армии 26 апреля 1945 года сообщал, что «в марте месяце число венерических заболеваний среди военнослужащих возросло по сравнению с февралем с. г. в четыре раза. ...*Женская часть населения Германии в обследованных районах поражена на 8–15 %.* Имеются случаи, когда противником специально оставляются больные венерическими болезнями женщины-немки для заражения военнослужащих» [2].

Для реализации Постановления Военного совета 1-го Белорусского фронта № 056 от 18 апреля 1945 года по предупреждению венерических заболеваний в войсках 33-й армии была выпущена листовка следующего содержания:

«Товарищи военнослужащие!

Вас соблазняют немки, мужья которых обошли все публичные дома Европы, заразились сами и заразили своих немок.

Перед вами и те немки, которые специально оставлены врагами, чтобы распространять венерические болезни и этим выводить воинов Красной армии из строя.

Надо понять, что близка наша победа над врагом и что скоро вы будете иметь возможность вернуться к своим семьям.

Какими же глазами будет смотреть в глаза близким тот, кто привезет заразную болезнь?

Разве можем мы, воины героической Красной армии, быть источником заразных болезней в нашей стране? НЕТ! Ибо моральный облик воина Красной армии должен быть так же чист, как облик его Родины и семьи!» [6].

Практичных немцев больше всего волновал вопрос о снабжении продовольствием, ради него они готовы были буквально на все. Так, некий доктор медицины Калистурх в разговоре со своими коллегами по вопросу отношения Красной армии к немецкому населению заявил: «Нельзя скрывать, что я лично видел нехорошее отношение отдельных русских солдат к нашим женщинам, но я говорил, что в этом виновата война, а самое главное то, что наши солдаты, и особенно эсэсовцы, вели себя по отношению к русским женщинам гораздо хуже. – И тут же без перехода добавил: – Меня очень волновал продовольственный вопрос...» [5].

Даже в воспоминаниях Льва Копелева, с гневом описывающего факты насилия и мародерства советских военнослужащих в Восточной Пруссии, встречаются строки, отражающие другую сторону «отношений» с местным населением: «Рассказывали о покорности, раболепстве, заискивании немцев: вот, мол, они какие, за буханку хлеба и жен и дочерей продают» [14]. Брезгливый тон, каким Копелев передает эти «рассказы», подразумевает их недостоверность. Однако они подтверждаются многими источниками.

Владимир Гельфанд описал в дневнике свои ухаживания за немецкой девушкой (запись сделана через полгода после окончания войны, 26 октября 1945 года, но все равно весьма характерна): «Хотелось вдоволь насладиться ласками хорошенькой Маргот – одних поцелуев и объятий было недостаточно. Ожидал большего, но не смел требовать и настаивать. Мать девушки осталась довольна мною. Еще бы! На алтарь доверия и расположения со стороны родных мною были принесены конфеты и масло, колбаса, дорогие немецкие сигареты. Уже половины этих продуктов достаточно, чтобы иметь полнейшее основание и право что угодно творить с дочерью на глазах матери, и та ничего не скажет против. Ибо продукты питания сегодня дороже даже жизни, и даже такой юной и милой чувственницы, как нежная красавица Маргот» [13].

Интересные дневниковые записи оставил австралийский военный корреспондент Осмар Уайт, который в 1944–1945 годах находился в Европе в рядах 3-й американской армии под командованием Джорджа Патона. Вот что он записал в Берлине в мае 1945 года, буквально через несколько дней после окончания штурма: «Я прошелся по ночным кабаре, начав с “Фемины” возле Потсдаммерплатц. Был теплый и влажный вечер. В воздухе стоял запах канализации и гниющих трупов. Фасад “Фемины” был покрыт футуристическими картинками обнаженной натуры и объявлениями на четырех языках. Танцевальный зал и ресторан были заполнены русскими, британскими и американскими офицерами, сопровождавшими женщин (или охотящимися за ними). Бутылка вина стоила 25 долларов, гамбургер из конины и картошки – 10 долларов, пачка американских сигарет – умопомрачительные 20 долларов. *Щеки берлинских женщин были нарумянены, а губы накрашены так, что казалось, что это Гитлер выиграл войну. Многие женщины были в шелковых чулках.* Дама-хозяйка вечера открыла концерт на немецком, русском, английском и французском языках. Это спровоцировало колкость со стороны капитана русской артиллерии, сидевшего рядом со мной. Он наклонился ко мне и сказал на приличном английском: “Такой быстрый переход от национального к интернациональному! Бомбы RAF – отличные профессора, не так ли?”» [21].

Общее впечатление от европейских женщин, сложившееся у советских военнослужащих, – холеные и нарядные (в сравнении с измученными войной соотечественницами в полуголодном тылу, на освобожденных от оккупации землях, да и с одетыми в застиранные гимнастерки фронтовыми подругами), доступные, корыстные, распущенные либо трусливо покорные. Исключением стали югославки и болгарки. Суровые и аскетичные югославские партизанки воспринимались как товарищи по оружию и считались неприкосновенными. А учитывая строгость нравов в югославской армии, «партизанские девушки, наверное, смотрели на ППЖ (походно-полевых жен. – Е. С.), как на существа особенного, скверного сорта» [18; 99]. О болгарках Борис Слуцкий вспоминал так: «После украинского благодушия, после румынского разврата суровая недоступность болгарских женщин поразила наших людей. Почти никто не хвастался победами. Это была единственная страна, где офицеров на гулянье сопровождали очень часто мужчины, почти никогда – женщины. Позже болгары гордились, когда им рассказывали, что русские собираются вернуться в Болгарию за невестами – единственными в мире, оставшимися чистыми и нетронутыми» [18; 71].

Приятное впечатление оставили о себе чешские красавицы, радостно встречавшие совет-

ских солдат-освободителей. Смущенные танкисты с покрытых маслом и пылью боевых машин, украшенных венками и цветами, говорили между собой: «Нечто танк невеста, чтоб его убирать. А их девчата, знай себе, нацепляют. Хороший народ. Такого душевного народа давно не видел...» Дружелюбие и радушие чехов было искренним. « – Если бы это было можно, я перещеловала бы всех солдат и офицеров Красной армии за то, что они освободили мою Прагу, – под общий дружный и одобрительный смех сказала... работница пражского трамвая» [15; 439], – так описывал атмосферу в освобожденной чешской столице и настроения местных жителей 11 мая 1945 года Борис Полевой.

Но в остальных странах, через которые прошла армия победителей, женская часть населения не вызывала к себе уважения. «В Европе женщины сдались, изменили раньше всех... – писал Б. Слуцкий. – Меня всегда потрясала, сбивала с толку, дезориентировала легкость, позорная легкость любовных отношений. Порядочные женщины, безусловно, бескорыстные, походили на проститутку – торопливой доступностью, стремлением избежать промежуточные этапы, неинтересом к мотивам, толкающим мужчину на сближение с ними. Подобно людям, из всего лексикона любовной лирики узнавшим три похабных слова, они сводили все дело к нескольким телодвижениям, вызывая обиду и презрение у самых желторотых из наших офицеров... Сдерживающими побуждениями служили совсем не этика, а боязнь заразиться, страх перед оглаской, перед беременностью» [18; 177–178], – и добавлял, что в условиях завоевания «всеобщая развращенность покрыла и скрыла особенную женскую развращенность, сделала ее невидной и нестыдной» [18; 180].

Впрочем, среди мотивов, способствовавших распространению «международной любви», невзирая на все запреты и суровые приказы советского командования, было еще несколько: женское любопытство к “экзотическим” любовникам и невиданная щедрость русских к объекту своих симпатий, выгодно отличавшая их от прижимистых европейских мужчин.

Младший лейтенант Даниил Златкин в самом конце войны оказался в Дании, на острове Борнгольм. В своем интервью он рассказывал, что интерес русских мужчин и европейских женщин друг к другу был обоюдный: «Мы не видели женщин, а надо было... А когда в Данию приехали... это свободно, пожалуйста. Они хотели проверить, испытать, попробовать русско-го человека, что это такое, как это, и вроде получалось получше, чем у датчан. Почему? Мы были бескорыстны и добры... Я дарил коробку конфет в полстола, я дарил 100 роз незнакомой женщине... ко дню рождения...» [8].

При этом мало кто помышлял о серьезных отношениях, о браке, ввиду того, что советское руководство четко обозначило свою позицию в этом вопросе. В Постановлении Военного совета 4-го Украинского фронта от 12 апреля 1945 года говорилось: «1. Разъяснить всем офицерам и всему личному составу войск фронта, что брак с женщинами-иностранками является незаконным и категорически запрещается. 2. О всех случаях вступления военнослужащих в брак с иностранками, а равно о связях наших людей с враждебными элементами иностранных государств доносить немедленно по команде для привлечения виновных к ответственности за потерю бдительности и нарушение советских законов» [11]. Директивное указание начальника Политуправления 1-го Белорусского фронта от 14 апреля 1945 года гласило: «По сообщению начальника Главного управления кадров НКО, в адрес Центра продолжают поступать заявления от офицеров действующей армии с просьбой санкционировать браки с женщинами иностранных государств (польками, болгарками, чешками и др.). Подобные факты следует рассматривать как притупление бдительности и притупление патриотических чувств. Поэтому необходимо в политико-воспитательной работе обратить внимание на глубокое разъяснение недопустимости подобных актов со стороны офицеров Красной армии. Разъяснить всему офицерскому составу, не понимающему бесперспективность таких браков, нецелесообразность женитьбы на иностранках, вплоть до прямого запрещения, и не допускать ни одного случая» [3].

И женщины не тешили себя иллюзиями относительно намерений своих кавалеров. «В начале 1945 года даже самые глупые венгерские крестьяночки не верили нашим обещаниям. Европейки уже были осведомлены о том, что нам запрещают жениться на иностранках, и подзревали, что имеется аналогичный приказ также и о совместном появлении в ресторане, кино и т. п. Это не мешало им любить наших ловеласов, но придавало этой любви сугубо “оуайдумный” (плотский. – Е. С.) характер» [18; 180–181], – писал Б. Слуцкий.

В целом следует признать, что образ европейских женщин, сформировавшийся у воинов Красной армии в 1944–1945 годах, за редким исключением оказался весьма далек от страдальческой фигуры с закованными в цепи руками, с надеждой взвизгивающей с советского плаката «Европа будет свободной!».

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

ИСТОЧНИКИ

1. Директива Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 00343/Ш от 15 апреля 1945 г. о мерах по предупреждению случаев венерических заболеваний среди военнослужащих // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/02.html
2. Директива Военного совета 47-й армии командиру и начальнику политотдела 77-го стрелкового корпуса от 26 апреля 1945 г. // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/02.html
3. Директивное указание нач. Политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Галаджева от 14 апреля 1945 г. // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/04.html
4. Донесение зам. начальника Главного Политического управления Красной Армии Шикина в ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову от 30 апреля 1945 г. об отношении гражданского населения Берлина к личному составу войск Красной Армии // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 10–12.
5. Донесение И. Серова Л. П. Берии от 4.06.1945 г. о проведенной работе за май месяц по обеспечению населения г. Берлина // Государственный архив Российской Федерации. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 203.
6. Донесение начальника отд. агитации и пропаганды подполковника Рутэс начальнику политотдела 33-й армии от 27 апреля 1945 г. о программе реализации Постановления Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 056 от 18 апреля 1945 г. по предупреждению венерических заболеваний в войсках армии // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/02.html
7. Интервью Н. А. Орлова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-6.html>
8. Интервью с Д. Ф. Златкиным от 16 июня 1997 г. // Личный архив автора.
9. Письмо из действующей армии военнослужащей Г. А. Ярцевой от 24.02.1945 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 86.
10. Политдонесение от 26 апреля 1945 г. о доведении до личного состава 185-й стрелковой дивизии директивы тов. Сталина № 11072 от 20 апреля 1945 г. // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/01.html
11. Постановлении Военного совета 4-го Украинского фронта от 12 апреля 1945 г. // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/04.html

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

12. Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/03.html
13. Гельфанд В. Н. Дневники 1941–1946 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/db/gelfand_vn/05.html
14. Копелев Л. Хранить вечно: В 2 кн. Кн. 1. Ч. 1–4. М.: Терра, 2004. Гл. 11, 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/137774/read#t15>
15. Полевой Б. Освобождение Праги // От Советского информбюро... Публицистика и очерки военных лет. 1941–1945. Т. 2. 1943–1945. М.: АПН, 1982. 478 с.
16. Родин А. Три тысячи километров в седле. Дневники. М.: ИПО Профиздат, 2000. 176 с.
17. Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 50–96.
18. Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб.: LOGOS, 2000. 352 с.
19. Смольников Ф. М. Воюем! Дневник фронтовика. Письма с фронта. М.: Классика плюс, 2000. 310 с.
20. Чухрай Г. Моя война. М.: Алгоритм, 2001. 304 с.
21. White O. Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945. Cambridge University Press, 2003 [1996]. XVII, 221 pp. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.argo.net.au/andre/osmarwhite.html>